

Л.Я. Мещерякова

Тверь

ИЗУЧЕНИЕ ТВЕРСКОЙ АГИОГРАФИИ XVI-XVIII ВЕКОВ (материалы в помощь учителю)

Изучение житийной литературы является одной из актуальных задач школы на современном этапе в связи с возрастающим интересом к такой образовательной области, как духовно-нравственная культура.

Наименее исследованной в пространстве тверского агиографического текста является проблема изучения его поэтики как в историко-литературном ключе (эволюция), так и в аспекте рассмотрения художественных особенностей какого-либо конкретного списка (редакция), наиболее интересного именно с литературной точки зрения. Сказанное выше, пожалуй, не относится к житию Михаила Ярославича Тверского, которое детально рассмотрено в диссертации Е.Л. Конявской именно с литературной точки зрения¹. Данную работу можно считать одним из фундаментальных исследований в области изучения памятников древней тверской литературы в целом и житийной литературы в частности.

Тверская агиография интересна в аспекте представленности в ней различных типов житийного героя: здесь и образ князя-мученика (Михаил Тверской), и образы преподобных, демонстрирующие диаметрально противоположные пути русского монашества (Нил Столобенский и Ефрем Новоторжский), и образ святителя (Арсений Тверской). Отдельный интерес представляет рассмотрение жития Анны Кашинской с точки зрения его соотнесенности с каноном и тем образом, который создает агиограф.

«Житие свт. Арсения Епископа Тверского» было проанализировано нами именно в литературоведческом аспекте по списку, опубликованному Е.Л. Конявской в монографии «Очерки по истории тверской литературы XIV-XV в.»². Отметим, что это список конца XVI века (РГБ.

¹ Конявская Е.Л. Литература Твери XIV-XV вв. (текстология, проблематика, жанровая структура) / Дисс. ...канд. филол. наук. – М., 1984.

² Конявская Е.Л. Очерки по истории тверской литературы XIV-XV в. / Е.Л. Конявская. – М., 2007. – С.341-372. См. также: Конявская Е.Л. Житие Арсения Тверского // СККДР, вып.1. - Л., 1987.; Конявская Е.Л., Прохоров Г.М. Арсений // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып.2., ч. 2. А-К. – Л., 1988; Конявская Е.Л. Житие св. Арсения, епископа Тверского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2001. №3; Она же. Святитель Арсений епископ Тверской в агиографических и летописных текстах // Мир житий. – М., 2002. – С. 146-156.

Собрание В.М. Ундольского №286). Конкретного имени автора житийного текста исследователи не называют, однако единодушно отмечают, что автор «Жития Арсения» «был человеком начитанным и использовал традиционные мотивы, топосы и формулы, которые вошли в арсенал книжника его времени»¹.

При рассмотрении специфики данного текста мы пришли к следующим выводам.

Житие Арсения Тверского является примером реализации агиографического канона в тверской житийной литературе. Использование указанных Е.Л. Конявской «топосов» свидетельствует о сознательном стремлении агиографа к созданию «идеального» образа святителя. Именно мотив борьбы с «еретическими» идеями является стержнем в создании образа святителя Арсения. Однако задача автора жития заключается не только в том, чтобы представить блаженного Арсения как святителя, то есть заступника веры, духовного воина истины, но и в том, чтобы зримо выразить черты, свойственные преподобническому типу подвига. В этой связи возникает интересный «портрет» главного героя жития. С одной стороны, главная заслуга Арсения перед святой церковью – его святительский подвиг (борьба с еретиками). С другой стороны, находясь на епископском престоле, Арсений, согласно идее автора, сохраняет черты, свойственные скорее преподобному: строгий пост, молитва, попечение обо всех, кто нуждается в помощи (во спасение их тела – помощь в болезни – и души). О даре проповедничества автор, безусловно, упоминает, но более кратко, говоря об этом факте как о само собой разумеющемся. В «Житии Арсения» мы наблюдаем совмещение в рамках одного житийного текста двух «схем» не только развития повествования, но и создания образа – «преподобнической» и «просветительской». По замыслу автора, в житии святителя Арсения не сохранено подробного описания его деятельности на благо церкви. Традиционный эпизод о преставлении святого предварен лишь описанием строительства церкви Пресвятой Богородицы и преподобных Антония и Феодосия Печерских и основании Желтикова монастыря, поскольку именно этот факт, как предполагают исследователи, наиболее значим для самого автора. Ориентированность «автора» на определенную читательскую аудиторию (в данном случае, в первую очередь, это монастырская братия) заставляет его использовать как можно большее число традиционных топосов, для того чтобы создать текст «адекватный» житийному канону на всех уровнях своей организации (сюжет,

¹ Конявская Е.Л. Очерки по истории тверской литературы XIV-XV в. / Е.Л. Конявская. – М., 2007. – С.321.

принципы типизации, смысловая наполненность текста и т.д.). Вместе с тем мы не можем не заметить черты влияния времени, отраженные в указанном тексте (стилистика экспрессивно-эмоционального стиля), которые, по нашему мнению, свидетельствуют о многоуровневой структуре текста, о существовании в пределах одного конкретного текста фактов использования различных творческих методов. В этой связи вполне справедливо замечание современных медиевистов о том, что авторское самосознание древнерусского книжника как категория является отнюдь не фактом принадлежности к определенной (поздней) эпохе, но составной частью творческого метода художника.

«Житие Ефрема Новоторжского» было рассмотрено нами по двум спискам: а) по списку, опубликованному В.З.Исаковым в книге «Памятники литературы Древней Твери»; б) по списку, хранящемуся в рукописной коллекции Российской национальной библиотеки Санкт-Петербурга¹. Если говорить о проблеме авторства, то исследователи до сих пор не пришли к единому мнению относительно атрибуции данного текста. Скорее всего, авторов было несколько. Однако «образ автора», который мы можем реконструировать в процессе анализа текста, имеет двоякую природу: с одной стороны, мы можем говорить о явном тяготении к «соборности» в процессе создания образа преподобного Ефрема. С другой стороны, можем проследить черты «неоднородности» текста (как на уровне стилистики, так и на уровне подхода к воссозданию образа).

По замечанию исследователей, состав жития и чудес в рукописях достаточно стабильный. Он традиционен для всех текстов, посвященных преподобному Ефрему Новоторжскому. Это обстоятельство позволяет нам делать некоторые выводы обобщающего характера на основании лишь двух упомянутых текстов.

Проведенное нами сопоставление двух указанных текстов жития Ефрема Новоторжского с агиографическим каноном позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, несмотря на достаточно позднюю датировку текста (XVII век), а следовательно, и общее стремление всех литературных жанров к обмирщению, указанная тенденция в отношении конкретного житийного текста, по нашему мнению, не является доминирующей. Во-вторых, одним из условий соблюдения традици-

¹ Памятники литературы Древней Твери / Вступит. ст., пер., коммент. В.З.Исакова. – Тверь: Тверское областное книжно-журнальное из-во, 2002. (перевод «Жития Ефрема Новоторжского» по рукописи XVII в., из собрания Тверского государственного объединенного музея: ТГОМ, КОФ, №1879, лл.28-47 об.); Житие Ефрема Новоторжского. Рукопись: РНБ, собр. ОЛДП, Q. 186. ЛЛ. 32-87 об.

онности в тексте (а следовательно и создание образа, с наименьшей степенью искажения отражающего Первообраз) является сознательное и активное стремление «автора» к реализации логически выстроенной схемы канона путем включения в текст традиционных топосов, свойственных житию соответствующего типа. По нашему мнению, данный факт объясняется не только отсутствием необходимого количества достоверного материала, но и сознательным «абстрагированием» агиографа в процессе создания образа. В образе преподобного Ефрема Новоторжского отражены черты русского монашества, идеалом которого был преподобный Феодосий Печерский и его последователи¹. В третьих, есть, по крайней мере, два фактора, которые в большой степени влияют на то, какой текст будет создан в конечном итоге: 1) индивидуальное мировоззрение автора, который может традиционно ощущать себя частью единого целого («соборно»); 2) «читательская» аудитория, на которую этот автор ориентируется. В случае с «Житием Ефрема Новоторжского» два эти условия реализуются в полной мере. Индивидуальный авторский голос, который звучит во вступлении к житию и немногочисленных «авторских отступлениях», призван, на наш взгляд, настроить «читателя» на определенный лад, подтолкнуть его к той или иной идее. Однако он не отвлекает внимания от главного. Отсутствие логически выстроенной структуры повествования является свидетельством того, что у текста нет единого автора, а находящийся в распоряжении агиографа материал далеко не исчерпывающий. Именно этими обстоятельствами и объясняется подмеченная исследователями «неоднородность» текста.

В «Житии Нила Столобенского» мы находим иной тип, иной «идеал» русского монашества – путь отшельничества, уединение в пустыне.

В качестве материала для исследования нами был выбран список XVIII века, происходящий из Ниловой пустыни и представляющий собой монастырскую редакцию «Жития» (ГАТО, Ф.1409. оп.1. №178. ЛЛ. 25-83 об.)². Согласно В.З.Исакову, автором этой редакции предположительно является настоятель Ниловой пустыни Нектарий Теляшин.

¹ Очерки по истории русской святости / Составил иеромонах Иоанн (Кологривов), Брюссель, 1961. – С.33.

² Житие Нила Столобенского: рукописный список Государственного архива Тверской области / Вступительная статья, перевод и примечания В.З. Исакова. Археографическое описание рукописи Г.С. Гадаловой. – Тверь, 2004.

Детальный анализ указанного житийного текста позволил нам утверждать, что даже «поздние» по времени своего создания житийные тексты (XVIII века) содержат примеры сохранения «канона» в структуре жития. Своеобразными точками фиксации канона служат житийные топосы, благодаря которым агиограф, словно по «прорези», организует текст на всех уровнях (от сюжетного до смыслового). На характер текста оказывают влияние не только общие тенденции в литературе, но в первую очередь особенности мировоззрения «автора» и «адресата». Именно «адресат» является той точкой отсчета, ориентируясь на которую агиограф и создает в конечном итоге текст. На примере «Жития Нила Столобенского» мы можем проследить, что столь четкое следование традиции житийного канона является вполне осознанным желанием автора житийного текста (напомним, что автор – настоятель Ниловой Пустыни Нектарий Теляшин) воспроизвести образ святого в полном соответствии с традицией для соответствующей «аудитории читателей». Авторский идеал – отшельнический путь, реализующий традиции, заложенные еще преподобным Антонием Печерским. Указанные обстоятельства позволяют нам предположить, что развитие литературы на всех уровнях ее организации (жанровые ассоциации и отдельные жанры) не имеет четкой линейности. Однако следы эпохи мы можем обнаружить даже в традиционном тексте, что является свидетельством влияния преобладающих в ту или иную эпоху тенденций. По отношению к «Житию Нила Столобенского» это выражается в том, что, несмотря на осознанное желание автора следовать канону, в характере его мировоззрения находят отражение черты, свойственные литературе поздней эпохи (тяготение к детализации, переключение внимания читателя с абстрактного на конкретное, особое значение бытовой детали, упоминание современных автору реалий и т.д.).

Если говорить о тексте жития Анны Кашинской, то он, пожалуй, является самым неоднородным и непоследовательно отражающим традицию канона. Можно вполне согласиться с предположением о том, что автором житийного текста мог быть священник (по предположению исследователей, это сыновья инока Варлаама – священник Кашинской Успенской церкви Василий и дьячок той же церкви Никифор)¹. В создании образа благоверной княгини Анны Кашинской автор не придерживается житийного канона в том смысле, что основой, стержнем в создании образа является авторский вымысел. Сам житий-

¹ Семячко С.А. Круг агиографических памятников, посвященных Анне Кашинской // ТОДРЛ, т.51. – СПб., 1999. – С.226-231.

ный текст можно четко разделить на две части: благоверная княгиня Анна до момента принятия ею иноческого пострига и после ухода в монастырь. Если в первой части житийного текста доминирующей чертой в создании образа святой являются ее реальные (земные) черты, то во второй части агиограф, формально стремясь к абстрагированию, фактически пытается следовать традиционным топосам (которые выходят далеко за рамки реализации схемы «женского» типа жития). Наличие пространственных диалоговых фрагментов в первой части житийного повествования, созданных в стилистике экспрессивно-эмоционального стиля, сосредоточивает внимание «читателя» не столько на «идеальном» подобии, сколько на конкретных обстоятельствах жизни героев.

«Житие Анны Кашинской» – пример текста, в котором отражены не просто черты эпохи нового времени, но романские черты.

Особенно интересен в контексте «Жития Анны Кашинской» образ автора. По нашему мнению, в тексте жития отражено не соборное сознание эпохи теоцентризма (хотя на формальном уровне оно и может быть выражено («по силе принесли тебе»)) и даже не сознание эпохи христианского антропоцентризма, когда процесс творчества мыслится автором как процесс сотворчества человека и Бога (хотя на уровне слова мы это видим - «и от Его блистающего красотой Божества и славы Его все это *приносим*»; «по силе *принесли* тебе, сколько дано *благодати Святого Духа*»)¹. Налицо индивидуальное авторское сознание, согласно которому агиограф *сам* выбирает стиль повествования и *сам* его определяет, ведет диалог с читателем и героями. Неслучайно он сравнивает созданное им с лептой вдовицы из известной притчи, не без гордости надеясь, что его дар будет также оценен Богом. В то же время даже формальное наличие в приведенном отрывке подобных элементов свидетельствует о многоуровневой природе текста, о возможности как последовательной смены знаковых элементов житийного текста разных эпох, так и сосуществования в пределах одного и того же текста элементов разных эпох, а в конечном итоге – об отсутствии строгой линейности в развитии литературы.

Таким образом, на основе проведенного нами анализа тверских житийных текстов различного типа мы пришли к выводу о справедливости следующего постулата: творческие методы (а соответственно все зави-

¹ Житие Анны Кашинской: Древнерусский текст и перевод [по списку ГАТО. Ф.1409. Оп. 1. Д. 1634] / Вступит. ст., пер. и комментарий В.З. Исакова; Археогр. описание Г.С. Гадаловой. – Тверь, 2002. – С.90.

сящие от них категории, в числе которых «канон», «жанр», «стиль» и т.д.) могут многосложно сочетаться в пределах одного и того же произведения. Это обстоятельство указывает на то, что и в рамках существования тверской житийной литературы, при более подробном рассмотрении, мы не обнаруживаем строго линейной тенденции в истории развития жанра. В рамках одного и того же текста могут сосуществовать черты разных мировоззренческих эпох. В целом же в тверской агиографии представлено разнообразная типология героев, в образах которых, безусловно, отражены как «идеальное» подобие первообраза, так и вполне «земные», мирские черты.